

БУЛАХ А. И. — ПРОКУРОРУ

БУЛАХ Алексей Иосифович, родился в 1874 в Златополе Киевской губ. Получил высшее юридическое образование. С 1902 — проживал в Чите, мировым судьей в Читинском окружном суде, затем — товарищем Прокурора при уездном окружном суде. С 1917 — Тюремным Комиссаром по разгрузке и ликвидации каторжных тюрем Забайкальской каторги, в 1920-х — юрисконсульт в различных советских учреждениях Читы. 2 августа 1927 — арестован, 13 октября предъявлено обвинение. В октябре обратился с заявлением к Прокурору Читинского окружного суда.

<18 октября 1927>

«ПРОКУРОРУ ЧИТИНСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА

13 октября 1927 г<ода> мне предъявлено обвинение по ст<атье> 58 п<ункт> 11 УК, выразившееся, как сказано в постановлении Читинского Окружного Отделения ГПУ, в том, что я, обходя в 1913 году камеры политических заключенных Читинской тюрьмы, не обратил внимания на заявление их относительно побоев и насилий над ними со стороны тюремной администрации, а одному из политических будто бы ответил в присутствии тюремного надзора: "Может быть, Вас следовало избить". Последствием якобы такого ответа было то, что избивание продолжалось и после обхода мною тюрьмы.

Основано такое обвинение на показании некоего БАБАЙЛОВА, заявившего на допросе 24 сент<ября> 27 г<ода> в ГПУ, что приведенную выше фразу я сказал именно ему, когда он находился в марте мес<яце> 1913 г<ода> в Читинской тюрьмы, — в ответ на словесную жалобу об избивании и о неправильном заключении его в карцер за протест тяжелого режима в отношении политических.

Виновным себя в этом не признаю и привлечение по 11 пункту 58 ст<атьи> УК считаю неправильным по следующим соображениям.

1. Насколько помню, в показании БАБАЙЛОВА сказано, что мною произнесена такая фраза: "Может быть, Вам и следовало за это". Слово "избить" он не упоминал, и помещение его в обвинительном постановлении не соответствует данным следствия.

2. Противоречит также обстоятельствам дела та часть постановления, в которой говорится, что я при обходе камер политических не обратил внимания на их заявление о применении к ним насилия. БАБАЙЛОВ, который об этом показывает, находился, по его словам, в карцере, и не мог, разумеется, знать, что делалось в камерах заключенных в то время, когда я туда заходил, что они мне говорили, заявляли ли о насилии над ними и каковы были мои ответы.

3. Представляется неосновательным, маловероятным, а потому не заслуживающим доверия, чтобы такая не значительная фраза, не имеющая никакого серьезного значения и не отразившаяся, конечно, на судьбе БАБАЙЛОВА, могла запечатлеться в его памяти, и чтобы он ясно и отчетливо припомнил ее спустя 14 лет. Если целое событие или отдельные происшествия сглаживаются, стираются в памяти людей и по прошествии некоторого времени видоизменяются до неузнаваемости или совершенно забываются, тем более представляется житейски невероятным запоминание слышанной много лет назад фразы. Поэтому одно такое показание БАБАЙЛОВА не может и не должно служить достаточным доказательством активных моих действий или активной борьбы против рабочего класса, а равно революционного движения, предусмотренные

ст<атьей> 58 п<ункт> 11. Если бы я действительно сказал ему вышеприведенные слова, и если бы они повлекли за собою неблагоприятные для него последствия, то, несомненно, он обратил бы на мое поведение сразу внимание, подал бы жалобу или во всяком случае по выходе из тюрьмы довел бы до сведения своих партийных товарищей, печати и проч<ее>, на что у него было достаточно времени. Наконец, он имел полную возможность это сделать после образования советской власти. В Чите я живу 25 л<ет>; никуда не уезжал; по общественному и служебному положению был у всех на виду, и следовательно, ничто не препятствовало БАБАЙЛОВУ довести до сведения надлежащих властей о моем преступном поступке.

4. Приписываемых БАБАЙЛОВЫМ слов я не произносил и категорически их отрицаю. По складу своего характера, по своим взглядам на заключенных, как на людей одинаковых с находящимися на свободе, но поставленных в тяжелые условия, нравственно и физически расхлябанных, зачастую не по своей вине лишенных свободы, а потому заслуживающих снисходительного, спокойного и человеческого обращения, — я никогда не допускал с ними грубости и никоим образом не мог бы сказать кому-либо из них, что он заслужил побои от тюремного надзора. В пользу невозможности произнесения подобных слов говорит также мое служебное положение. В силу строгой дисциплины в прокурорском надзоре, в силу понимания каждым своих прав и обязанностей, ни один Тов<арищ> Про<куро>ра не позволил бы себе указанного обращения с заключенными, потому что каждый из них, в том числе и я прекрасно сознавали, что таким поступком роняется авторитет в глазах заключенных и тюремной администрации и дается последний повод к злоупотреблениям. Такой ответ не мыслим и потому, что он немедленно стал бы известен Прокурору и отразил<ся> бы неблагоприятно на служебном положении. В особенности нужно было быть осторожным мне, так как отношения с Пр<окуро>ром КАМИНСКИМ у меня были всегда натянуты, и он готов был воспользоваться всяким моим промахом по службе, чтобы применить ко мне меры воздействия.

5. В 1913-м году я был Товарищем Прокурора при Читинском Окружном Суде, но заведовал не городским участком, а уездным. Никакого отношения к Читинской тюрьме не имел и надзор за нею не осуществлял. В городе был свой Тов<арищ> Прокурора, который наблюдал за тюрьмой. Поэтому о порядках, бывших в ней, я не знал и никаких обязанностей в отношении этой тюрьмы и ее заключенных на мне не лежало. Мне только несколько раз случайно пришлось посетить Читинскую тюрьму по случаю отсутствия городского Тов<арища> Прокурора. Вся моя роль заключалась в том, чтобы опросить заключенных (не только политических, но и уголовных), нет ли у них каких-либо заявлений и затем об этих заявлениях сообщить либо Прокурору, либо следователю, в зависимости от характера каждого заявления, и смотря по тому, за кем числится арестованный. Вмешиваться в распорядок тюремной жизни, отдавать какие-либо распоряжения по этой части и вообще оказывать влияние на тот или иной режим мы не имели права и не могли. Мы должны были о замеченных или о дошедших до нас злоупотреблениях доносить прокурору и на этом кончалась наша обязанность, как Тов<арищей> Прокурора. Таким образом, я никак не могу нести ответственности за то, что творилось в Читинской тюрьме, так как ею не заведовал и надзор за нею не имел.

6. Обходил ли я Читинскую тюрьму в марте мес<яце> 1913 г<ода> во время пребывания там БАБАЙЛОВА, и сидел ли он в ней тогда, я совершенно не помню за давностью времени, а равно не знаю самого БАБАЙЛОВА. Вполне поэтому естественно, что у меня не сохранилось в памяти, какое заявление делали мне заключенные и в частности, было ли

заявлено БАБАЙЛОВЫМ о причинении ему побоев. Но если такое заявление было, то с полной уверенностью могу утверждать, что о нем я сообщил Прокурору. По изложенным выше мотивам, я не имел права и не мог не обратить на таковое внимания; а скрывать подобного рода злоупотребления тюремного надзора, состоявшего из совершенно посторонних для меня лиц, не находившихся со мною в какой-либо связи и не зависимых от меня, — не было у меня никакого основания и цели; да такое событие все равно обнаружилось бы и помимо меня, если бы оно имело место на самом деле. Такие поступки можно еще утаивать где-нибудь в уездной, отдаленной тюрьме, но и то до поры до времени. Не сообщать же о насилии над заключенными, притом, над политическими в Читинской губернской тюрьме, в месте нахождения высшего областного начальства, было немыслимо. Прокурорский надзор вообще никогда не скрывал и не замалчивал ненормальностей в тюрьмах и о<бо> всех доходивших до него случаях доносил Прокурору. Представить доказательства того, что заявление БАБАЙЛОВА о насилии над ним было мною сообщено Прокурору, само собой разумеется, я не могу, потому что во-первых, не знаю, было ли сделано такое заявление; во-вторых, было ли вообще в то время избивание политических в Читинской тюрьме и, в-третьих, в моем распоряжении нет никаких документов, книг и какого-либо письменного материала, относящегося к дореволюционной моей службе, бывшей 14 лет тому назад; все это, если только сохранилось, находилось в канцелярии прокурора Читинского Округного Суда.

7. Никакой связи между тюремными порядками, в частности насилием над политическими, и моей службой в качестве Тов<арища> Прокурора в 1913 г<оду> — нет. Если политические подвергались в то время действительно насилию, то, как удостоверяет сам БАБАЙЛОВ, произошло это до моего обхода тюрьмы. Стало быть, применение к ним насилия еще до моего посещения тюрьмы — ни в какой мере нельзя приписать недостаточному наблюдению с моей стороны (ведь я не заведовал Читинской тюрьмой), попустительству или потворству. А раз избивание произошло без относительно к обходу мною тюрьмы, то стало быть тюремный надзор, совершая указанный проступок, рассчитывал на безнаказанность, опираясь несомненно на кого-то другого, а не на Тов<арища> Прокурора, не имевшего никакого касательства к Читинской тюрьме. При таких условиях последующее избивание, если опять-таки оно было на самом деле, было естественным продолжением первого и никак не могло зависеть от тех слов, какие приписал мне БАБАЙЛОВ, если допустить на минуту, что я их произнес. Вообще, злоупотребления в той или иной тюрьме со стороны администрации появляются и происходят вне зависимости от единичного и случайного обхода Тов<арищем> Прокурора тюрьмы.

Пункт 11 ст<атьи> 58 УК предусматривает активные действия или активную борьбу, проявленные на ответственных или особо секретных должностях. Этих существенных и необходимых признаков в отношении меня не имеется.

Во-первых, должность Товарища Прокурора не является ответственной, так как в его распоряжении и ведении не было какой-либо отдельной административной части, и он не обладал какими бы то ни было самостоятельными правами. Тов<арищ> Прокурора находился в прямом подчинении Прокурора; никаких распоряжений сам не мог делать. Товарищ Прокурора наблюдал за правильным ведением следственных дел, направлял законченные следствия Прокурору о тех уклонениях от закона, которые он усматривал в деятельности следователей и милиции, входящих в район его участка, или которые доходили до его сведения. Указания об этом можно найти в "Наказе прокурорскому надзору.

Муравьева".

Во-вторых, я не совершал никакого действия или действий, в которых выразилась бы активная борьба с рабочим классом, либо революционным движением. Нельзя же слова, показанные БАБАЙЛОВУ и будто бы сказанные мною (если допустить, что они были произнесены), считать действием, да еще активным и притом, направленным против революционного движения.

9. Чтобы иметь основание утверждать, что моя фраза подстрекнула тюремный надзор на причинение насилий над БАБАЙЛОВЫМ, надо первоначально с достоверностью установить, что она была произнесена; что сказал я ее с намерением одобрить и поощрить действия тюремной администрации, и что насилие было именно последствием моих слов. Иначе обвинение будет построено на одних лишь предположениях, на каковых не может быть обоснован обвинительный приговор. Нельзя не отметить еще того, что тюремный надзор сам прекрасно понимает, что Тов<арист> Прокурора не может покровительствовать или выносить одобрение незаконным действием его, и, если надзор допускал злоупотребления, то отнюдь не вследствие произнесения какой-либо фразы Тов<ариста> Прокурора. Поэтому вышеуказанные слова никак не могли быть приняты тюремной администрацией за поощрение к насильственным действиям. Далее одна такая фраза, при условии, конечно, произнесения ее, не может служить указанием, что я враг революционного движения и когда-либо вел какую-либо борьбу против него. В моей личной жизни и служебной деятельности нет ни одного темного пятна в этом отношении. И если бы я был врагом революционного движения, то Читинский Комитет Общественной Безопасности, взявший в свои руки власть в дни переворота в 1917 г<оду>, состоявший целиком из членов революционных партий, не назначили бы меня тюремным комиссаром по разгрузке и ликвидации Забайкальской каторги и не выдвигали бы на должность Прокурора, находя меня более подходящим по тогдашнему времени к несению этой обязанности. Несомненно революционные деятели имели обо мне достаточные сведения положительного свойства, знали мое отношение к революции и не считали своим врагом. Одно пребывание мое в должности Тов<ариста> Прокурора не означает еще, что я вел и должен был вести борьбу с революционерами. Отсутствие лично во мне и в моей служебной деятельности враждебных чувств и действий к революционному движению и участником этого движения свидетельствует, полагаю, о том, что я не мог вести себя в тюрьме по отношению к БАБАЙЛОВУ так, как он описывает в своем показании.

Целый ряд лиц могут дать о моей личности характеристику, из которой можно будет убедиться, что я не совершал преступления, указанного в 11 п<ункте> ст<атьи> 58 УК.

а) ЗАМОШНИКОВ Алексей Дмитриевич, член Читинского общества политкаторжан (Чита, Уссурийская ул<ица>, д<ом> Замошникова).

б) ЖУКОВ Николай Николаевич, член Читинского общества политкаторжан (Чита, Корейская ул<ица> угол Старо-Бульварной, Бек).

в) ВАКСБЕРГ Матвей Абрамович, член Коллегии защитников и преподаватель Иркутского ВУЗа (г<ород> Иркутск, Окр<ужной> суд).

Эти лица знают, что я был назначен Читинским Комитетом Общественной Безопасности в 1917 году Тюремным Комиссаром по разгрузке и ликвидации каторжных тюрем; знают, что комитетом выдвигалась моя кандидатура на должность прокурора, наконец, знают, вел ли я когда-либо, будучи в Прокурорском надзоре, борьбу с революционным движением.

г) ГРИГОРЬЕВ Леонтий Андреевич, был Нач<альником> Читин<ской>

тюрем (Чита, угол Красноярской и Ангарской ул<иц>, соб<ственный> д<ом>) — также знает об исполнении мною обязанностей тюремного комиссара; может показать, как я обращался с заключенными во время обхода тюрьмы; были ли какие-либо нарекания с их стороны на мою грубость или невнимательное к ним отношение; осветит заявленный БАБАЙЛОВЫМ с ним случай; было ли тогда проявлено насилие над политическими, в частности над БАБАЙЛОВЫМ; был ли я виновником, хотя бы косвенным этого насилия, если таковое имело место; мог ли я в присутствии тюремного надзора, обходившего тюрьму, одобрить их действия по избитию заключенных; был ли я в марте месяце 1913 г<ода> городским Тов<арищем> Прокурора (заведовал в то время городским участком и тюрьмой Либкинд-Любодзецкий), мог ли я скрыть заявление заключенного, сделанное при обходе тюрьмы в присутствии тюремного надзора, или обязан был донести об этом Прокурору.

д) ДЕРГАЧЕВ Аркадий Иванович, быв<ший> Тов<арищ> Прокурора (Чита, Кубяковская ул<ица> уг<ол> Красноярской, д<ом> Вамбурга М. Х.) — о корректном обращении моем с заключенными; о том, что я был в 1913 году городским Товарищ<ем> Прокурора, а таковым был Либкинд-Любодзецкий; что я не мог сказать БАБАЙЛОВУ того, что он показал; о плохих отношениях с прокурором Каминским в 1917 г<оду>; об отношении ко мне революционных деятелей в то время и в частности освобожденной с каторги Марии СПИРИДОНОВОЙ, которая лично по телефону в 1917 году предлагала занять место Прокурора; наконец, о том, что должность Тов<арища> Прокурора не была ответственной и не подходит под действие 11 п<ункта> 58 ст<атьи> УК.

II.

Помимо изложенного в первой части моего заявления, мне вменяется в вину агитация и пропаганда, предусм<отренные> п<унктом> 15 ст<атьи> 58 УК. В чем она выразилась, мне лично неизвестно, потому что копии постановления у меня нет, но, кажется, мне инкриминируется то, что в 1927 г<оду> в разговоре с кем-то указывал на тяжелое финансовое положение Республики, на скорое падение Советской власти и на английский образ правления, как наиболее подходящую конституцию власти для России. В этом преступлении я точно также не признаю себя виновным, так как никогда против Советской власти не агитировал, недоброжелательности или враждебности против существующего строя не проявлял; о возможном падении советского правительства разговоров не вел и, вообще, о будущих формах правления в России не высказывался.

В следственном деле имеется подробное показание о моей службе и деятельности в течение 10 лет после революции. Из этого показания видно, что все время я служил в разных советских учреждениях; работал в качестве юрисконсульта в государственных, торговых и промышленных предприятиях (Дальторг, Черновские копи) и вел общественную работу, будучи членом Коллегии защитников. В Чите я живу безвыездно с 1902 года. Моя служба, деятельность и жизнь протекали открыто на глазах многочисленных жителей и администрации города. При таких условиях было бы с моей стороны безрассудно, нелепо и бессмысленно вести агитацию против существующей власти, заведомо зная, что мой поступок, несомненно, дойдет до сведения учреждений, ведающих государственной, политической охраной. Еще нелепее было бы это делать в 1927 году на десятом году существования Республики. К тому же нужно принять во внимание, что никогда и раньше я политикой не занимался, ни в каких политических организациях не участвовал и был далек от обсуждения каких бы то ни было политических вопросов. Я вел жизнь обычного

обывателя, погруженный в свою работу, которая поглощала весь мой день. Часы досуга я посвящал отдыху и семье. Далее, для того, чтобы вести агитацию против власти и порядка управления, необходимо какое-либо разумное основание к этому. Такого основания или повода у меня не было, так как нет причин быть недовольным Советской властью или ее представителями. От партийных работников, с которыми мне приходилось сталкиваться по делам службы или личных их делам, я всегда встречал внимательное и хорошее к себе отношение. На службе меня ценили, как добросовестного работника. В материальном отношении мне также не приходилось жаловаться, так как в течение десятилетнего существования советской власти мне не приходилось испытывать нужды за исключением незначительных периодов. Для чего же я стал бы агитировать против власти. Наконец в чем же реально выразилась та агитация, в которой меня обвиняют. Для наличия пропаганды или агитации, необходимы разговоры, беседы или прочее с группой лиц периодически или постоянно, ведущиеся со специальной и исключительной целью, чтобы подорвать или ослабить Советскую власть в глазах населения. Обыкновенный обмен мнений по содержанию прочитанной газетной заметки со своими знакомыми, даже если такой обмен будет содержать в себе критику тех или иных распоряжений административных органов отнюдь не является преступным и подходящим под действие пункта 15 статьи 58 УК. Иначе любая критическая статья по разным отраслям финансовой, экономической и промышленной деятельности Правительства, каких много можно найти на страницах "Известий", "Правда", "Экономической жизни" и "Промышленной Газеты", были бы преступным деянием. Кроме указанного обмена впечатлениями по поводу прочитанного, никаких других политических бесед я не вел и отнюдь не занимался распространением каких-либо неблагоприятных сведений с целью подорвать или ослабить Советскую власть. При этом разговоры по содержанию газет бывали редки, случайны и имели место только с близкими знакомыми. Таким образом, и эти невинного характера беседы не имели распространительного характера и никак не могли содержать в себе признаков агитации или пропаганды. По отношению к Советской власти и ее мероприятиям я относился с полной лояльностью, ни с какими организациями, враждебными ей, связи не имел и политикой не занимался.

Подтвердить изложенное могут:

а) ДЕРГАЧЕВ Аркадий Иванович (адрес см.отреть выше).

б) ВЕКМАН Николай Густавович (член Коллегии защитников — Окружный Суд).

в) УШАКОВ Евгений Алексеевич (член Коллегии защитников — Окружный Суд).

г) РУБИНШТЕЙН Моисей Михайлович (член Коллегии защитников — Окружный Суд).

д) КУЗЬМЕНКО-КУЗЬМИЦКИЙ Федор Андреевич, помощник Прокурора Дальне-Восточного Краевого Прокурора г.Хабаровск.

е) Доктор ЩЕРБАКОВ Николай Константинович (Чита, Зейская ул.ица, дом № 30 Станкевича).

ж) Доктор ЦЕЙТЛИН Аарон Леонтьевич (Чита, Ленская ул.ица, 2-й от угла Якутской).

з) ВЕДЕРНИКОВ Николай Иванович, Заведующий Земельно-лесным отделом Читинского Окружного Земельно-Управления.

и) КОНДРАТЬЕВ Иосиф Алексеевич, Заведующий Хозяйственной частью ТПО.

к) КУЗНЕЦОВ Алексей Кириллович (Чита, здание музея).

л) ГОРБАТОВСКИЙ Юлиан Осипович (Читинский Земельно-Лесной Отдел Окрисполкома).

Все эти лица знают меня давно, моя жизнь в Чите прошла на их глазах, и они смогут дать характеристику о моей деятельности и обо мне как человеке.

3.

Не чувствуя за собою решительно никакой вины перед Советской властью и находя предъявленные мне обвинения не основательными, убедительнейше прошу Вас произвести допрос всех поименованных мною лиц по содержанию сделанной на них ссылки, принять во внимание их показания при рассмотрении моего дела и настоящее заявление приобщить к следственному производству.

18/X-1927 г<ода>.

БУЛАХ.

С подлинным верно: Булах»¹.

6 января 1928 — Алексей Иосифович Булах был приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь². Осенью 1929 — вновь просил помощи Помполита³.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 277. С. 342-345. Машинопись, подпись — автограф.

² Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 387. С. 10-13, 141-143.